

Татьяна Зиновьевна Позняк¹ (tzpoznyak@mail.ru)

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В дореволюционной и современной исторической литературе довольно долго преобладал дискурс о закрытости, замкнутости китайской общины в Дальневосточном регионе, нежелании китайцев интегрироваться в принимающее общество, но по мере накопления материала он несколько трансформировался. Огромную роль в изменении взгляда на характер взаимодействия российского населения и китайских мигрантов сыграли материалы расследований о коррупции местной полиции и чиновников. В ходе ревизий были вскрыты устойчивые связи представителей российской власти и верхушки китайской общины в разных дальневосточных городах, вплоть до установления контроля отдельными чиновниками над действиями китайских национальных обществ. Однако вовлечённость в теневую экономику не ограничивалась только верхушкой китайского общества и представителями российской власти, подобные связи выстраивались также в среде городского, крестьянского и казачьего населения региона. Домовладельцы сдавали в аренду китайцам свои дома по высокой цене, осознавая, что последние будут получать прибыль незаконными способами: содержат тайные притоны и сдавая площади в субаренду нелегальным мигрантам. Крестьяне и казаки передавали надельные земли в аренду китайцам и корейцам для выращивания опиумного мака, включались в контрабанду опиума и спирта, защиту незаконных посевов, перевозки товаров для арендаторов и пр.

Ключевые слова: Россия, Китай, Дальний Восток, граница, российско-китайское трансграничное взаимодействие, китайские мигранты, теневая экономика, повседневная жизнь.

Tatiana Z. Poznyak¹ (tzpoznyak@mail.ru)

EVERYDAY PRACTICES OF RUSSIAN-CHINESE CROSS-BORDER COOPERATION IN THE SECOND HALF OF THE 19th – THE EARLY 20th CENTURIES

The discourse about the closeness and isolation of the Chinese community in the Far East prevailed for a long time in pre-revolutionary and modern historical literature, but it was somewhat transformed with the accumulation of archival

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

material and the expansion of research issues. The investigations on corruption of local police and officials played a big role in changing the view of the nature of interaction between the Russian population and Chinese migrants. Stable relations between the representatives of the Russian authorities and the top of the Chinese community were revealed during the audits in far-eastern cities. Involvement in the shadow economy was not limited only to the top of Chinese society and representatives of officials and police, such ties were built among the urban, peasant and cossack population of the region. The landlords leased their homes to the Chinese at high rents, realizing that the tenants would also make profits in illegal ways. Peasants and Cossacks passed allotment of land on lease to the Chinese and Koreans for growing opium, smuggled opium and alcohol, protected crops, transported goods for tenants, etc.

Keywords: Russia, China, Far East, border, Russian-Chinese cross-border cooperation, Chinese migrants, shadow economy, opium production, corruption, everyday life.

Приграничные районы Сибири и Дальнего Востока с начала 1990-х гг. стали зоной контактов населения, живущего по обе стороны границы, — эта ситуация была во многом сходной со сложившейся во второй половине XIX — начале XX в. обстановкой. Это стало важнейшей причиной активизации исследований региона как зоны транскультурного контакта и в исторической ретроспективе, и на современном этапе. В зарубежной и отечественной исторической, антропологической науке апробированы различные концептуальные подходы к рассмотрению таких явлений, как граница, трансграницье и трансграницное взаимодействие [17; 18; 21; 22; 23]. Исследователи считают, что характер взаимодействия на российско-китайской границе в исторической ретроспективе постоянно менялся и зависел (хотя и не всегда) от межгосударственных отношений и степени закрытости границы [18, с. 112; 21, с. 106—124]. Достаточно хорошо изучены в современной исторической литературе и проблемы институциональных условий пересечения российско-китайской границы в до-революционное время, российской иммиграционной политики, причины и способы нелегального пересечения границы [4; 5; 8; 9; 13; 19; 20]. С начала 1990-х гг. немалое внимание уделялось и вопросам адаптации инокультурных мигрантов на российском Дальнем Востоке, и в первую очередь российско-китайскому межкультурному взаимодействию. В литературе первоначально преобладал дискурс о закрытости, замкнутости китайской общины в регионе, нежелании китайцев интегрироваться в принимающее общество [2; 4; 7], хотя по мере накопления материала он несколько трансформировался [15]. Исследование российско-китайского взаимодействия в сфере легальной экономики позволило сделать выводы, что, несмотря на тесные деловые контакты, оно ограничивалось следующими типами связей: продавец — покупатель, предприниматель — подрядчик,

казна — подрядчик, предприниматель — наёмный работник, домовладелец — арендатор [10, с. 112—121]. Немало работ посвящено проблемам взаимного влияния русских и китайцев в сфере досуга [1; 3; 11].

Цель данного исследования — рассмотреть практики повседневного российско-китайского взаимодействия в неформальной экономике. Важнейшую роль в расширении контактов в теневой сфере играла проницаемость границы: на всём её протяжении отсутствовала действенная регулярная охрана, несмотря на принимаемые меры для её создания (заселение приграничной полосы казаками, установление пограничных столбов, организация таможенных и пограничных постов и пр.). Большая часть границы в пределах рассматриваемого региона проходила по р. Уссури и Амур, которые, в свою очередь, являлись не только естественным рубежом между Россией и Китаем, но и служили удобным путём для летнего и зимнего сообщения между селениями по обе стороны границы [2, с. 136; 13, с. 176]. Протяжённость морской береговой полосы, близость Китая, Кореи и Японии способствовали проникновению морем нелегальных иммигрантов и контрабандных товаров, незаконному вывозу природных ресурсов с российской территории. Региональные власти не отрицали проницаемости границы и отсутствия материальных, людских ресурсов и технических возможностей для предотвращения подобных ситуаций [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 725. Л. 103—103 об.; Д. 747. Л. 4].

Благодаря такому положению дел крестьянское и казачье население приграничной полосы часто посещало китайскую сторону без необходимых документов, часть населения поддерживала своё благосостояние, перевозя пассажиров и грузы для китайских купцов через границу, ездила за продовольственными товарами для собственных нужд, арендовала сенокосные угодья на китайской стороне; в приграничье процветала контрабанда спиртных напитков, золота, природных ресурсов, свободно пересекали границу отряды хунхузов [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 747. Л. 4, 104, 105, 122 об.]. В 1911 г., когда в Китае начались волнения, приграничная местность стала зоной скопления многочисленных групп дезертиров, неоднократно подвергались нападениям хунхузов приграничные китайские города и прииски [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 725. Л. 2, 5, 9, 15, 23—26, 39—45, 54, 67; Д. 747. Л. 78—83, 105; 13, с. 176—177].

В качестве наглядного примера взаимовыгодных контактов можно могут служить взаимные пересечения границы для употребления запрещённых на родной территории веществ. Русские жители приграничных территорий до и особенно в период введения сухого закона переезжали на китайскую сторону для употребления спиртных напитков, широко распространилась контрабанда дешёвого китайского спирта — ханшина [2, с. 136]. Последней активно занималось население обоих государств, но главными контрабандистами были русские; китайцы и корейцы количественно уступали им почти вдвое [6, с. 102—104]. Китайцы с приграничных территорий, в свою очередь, в условиях жёсткого преследования

опиокурения на родине стали приезжать в Благовещенск на короткие сроки — «покурить», что способствовало росту числа «беспаспортных китайцев, свободно проживающих в китайских притонах» и вызвало негативную реакцию отдельных представителей региональной администрации [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 2].

Уникальный источник для изучения контактов благовещенских чиновников и полиции с представителями китайской региональной администрации представляют материалы ревизии городского полицейского управления в 1914 г. С целью проведения проверки генерал-губернатор Н.Л. Гондатти послал в Благовещенск делопроизводителя своей канцелярии Н.П. Щербакова и помощника делопроизводителя Л.Г. Ульяницкого [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 2—19 об.]. Они пришли к выводу, что «...данные, добытые нашими и Мирового Судьи 1-го уч. гор. Благовещенска обысками, свидетельствуют о том, что действительно в гор. Благовещенске процветает опиекурение, существуют тайные притоны, причём полиция как будто бы покровительствует им» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 2]. Причины и обстоятельства ревизии подробно изложены автором в одной из статей [16]. Материалы проверки представляют для нас интерес, так как являются иллюстрациями трансграничного повседневного взаимодействия. Они демонстрируют, что китайцы на русской территории в целях защиты своих интересов часто обращались к русским «адвокатам» — лицам, составлявшим для них жалобы, прошения, защищавшим их в суде, ходатайствовавшим за них в различных инстанциях.

Особое внимание в докладе было обращено на неформальные отношения, сложившиеся между благовещенской городской полицией и айгунским уездным начальником Пан-дьян-бао: «Полицеймейстер гор. Благовещенска находится в весьма хороших отношениях с Айгунским уездным начальником Пан-дьян-бао». По данным различных свидетелей, полицмейстер Н.А. Баранов и другие чины полиции часто бывали в Сахалине и чувствовали себя там «как дома». Полицеймейстер совместно с названным чиновником «устраивает китайские дела, при этом в таких случаях командирован в Сахалин Помощник Пристава Арцыбашев. Айгунский уездный начальник Пан-дьян-бао также бывает у Полицеймейстера Баранова, причём они иногда посещают председателя китайского Общества бывают и в китайском квартале» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 11—12 об.].

Такие отношения между представителями благовещенской полиции и айгунским уездным начальником установились несмотря на то, что на российской территории правом официальных сношений пользовался только пограничный комиссар Амурской области. По мнению последнего, «...самовольное обращение группы китайских подданных, проживающих на русской территории, от имени Общества [китайского] к Айгунскому уездному начальнику является нарушением духа трактатов и таковое заявление не имеет никакой законной силы» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 11].

Благодаря этим неформальным взаимоотношениям полиции, верхушки местного китайского общества и региональной администрации на китайской стороне Амура полиция наладила систему высылки из региона неугодных китайцев. В случае необходимости полицмейстер обращался к Китайскому обществу, а то, в свою очередь, писало жалобы, прошения на имя областной администрации, генерал-губернатора или айгуньского начальника. Таким способом на китайскую сторону были высланы подданные Китая Ли-юнь-сун, Гуань-ю-цин и Мэн-дун-чу, которые выступали свидетелями присяжного поверенного Ф.И. Андреева в деле по обвинению местной полиции и чиновников таможни в поборках с китайских притонов [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 11—14, 16—16 об.].

Ревизоры считали, «...что необходимо принять самые решительные меры к уничтожению подобных отношений и впредь никаким подобного рода ходатайствам не давать движения, не допускать сближения китайских должностных лиц с русской полицией в гор. Благовещенске и в частности пресечь возможность посещения теми же китайскими властями китайского квартала в означенном городе». В качестве ещё одного аргумента проверяющие указали, что «благодаря установившимся отношениям, представители китайского населения в курсе всех дел, имеющих отношение к китайцам...». Интересно, что в тексте доклада о результатах ревизии около слов о сближении китайских должностных лиц с русской полицией приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти сделал пометку: «Это иногда необходимо» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 17].

Ревизоры привели несколько фактов распространения информации от полиции среди китайцев. Так, после получения областной администрацией жалобы на переводчика — заведующего китайским кварталом Ван-го-дуна — о её содержании сразу стало известно китайцам, которые не замедлили обратиться с ходатайством в защиту своего соотечественника. Ревизоры подозревали, что после их приезда в г. Благовещенск полицмейстер или его помощники известили представителя китайского населения о цели их прибытия, указав на необходимость реабилитировать полицию и верхушку китайской общины. «Через несколько дней после приезда в гор. Благовещенск старший помощник делопроизводителя Ульяницкий посетил представителя китайского населения г. Чжань-ли-вея. Последний в своём разговоре всё время хвалил полицмейстера и вообще чинов полиции, при этом он говорил, что ему, как представителю китайского населения, весьма трудно работать, так как разного рода клязники стараются подорвать доверие губернатора к нему... Приведённые факты указывают на то, что у полицмейстера и представителей китайского населения имеются общие интересы, которые и осуществляются при взаимной поддержке» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 18—18 об.]. Интересно, что, судя по пометкам Н.Л. Гондатти на полях текста доклада, он не видел ничего предосудительного в установившихся отношениях [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 12, 17, 18 об.].

О тесном взаимодействии представителя российской власти и верхушки китайского национального общества во Владивостоке свидетельствует и «дело Ундрица». Его обстоятельства уже изложены в работах автора [12; 14]. Главным действующим лицом в нём выступал чиновник Приморского областного правления Густав Густавович фон Ундриц. Его компаньоном в делах и посредником в сношениях с китайским населением был переводчик Сун-фу-цин. Эти факты открылись в ходе работы Комиссии для обследования «жёлтого и еврейского вопросов», направленной приамурским генерал-губернатором Н.Л. Гондатти в г. Владивосток в январе 1914 г. [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 30—41]. Уже на месте члены комиссии получили жалобы от китайских подданных Лян-вен-цзы и Чи-сян-ге на незаконные действия Ундрица. Проверяющими были собраны многочисленные показания как проживавших во Владивостоке китайцев, так и россиян. Они свидетельствовали, что Ундриц, используя своё служебное положение, получал взятки от китайцев, установил регулярные поборы с предпринимателей и Китайского общества, бесплатно питался в ресторанах, кафе-шантанах [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 38—40]. Бывший переводчик при военном губернаторе Приморской области Сун-фу-цин не только выступал посредником между Ундрицем и китайцами, но и владел банковской в центре города, на углу Алеутской и Светланской улиц, где его соотечественники — подрядчики и купцы — проигрывали большие суммы, которые «подельники» делили между собой. Ундриц умело пользовался близостью и доверием военного губернатора Приморской области М.М. Манакина [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 31 об.]. Но «главным достижением» чиновника было установление контроля над Китайским обществом — он фактически управлял его деятельностью, используя в своих целях. Ундриц совместно с переводчиком убедил комитет общества «осуществить смену всего состава должностных лиц Общества, нежелательных ему» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 34 об. — 35], после чего наладил эффективный механизм освобождения от ответственности нарушителей закона, «исправно субсидировавших» чиновника, отпуская их на поруки по просьбе названной организации.

Согласно показаниям А.Н. Занковского, четыре года прослужившего секретарём Китайского общества, тесное взаимодействие организации с чиновниками областной администрации существовало и до появления Ундрица. Оно, кроме заявленных в уставе целей, и прежде занималось установлением неформальных контактов с представителями региональной власти, решая проблемы «щекотливого характера», какими являлись, например, «высылка и возвращение китайцев, содержание опекурилен и банковок, уплата или уменьшение до минимума разного рода административных штрафов, о келейной ликвидации и сокрытии разных преступных деяний, о даче взяток административным лицам» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 34]. Эти вопросы общество решало не официальным путём, а при неформальном посредстве переводчиков. Такие показания

свидетельствуют о долгом существовании и потому уже рутинном характере неформального взаимодействия китайского сообщества и представителей региональной власти.

Подобные расследования повторялись периодически, схожесть их результатов позволяет сделать вывод о широком распространении неформальных связей между российскими властными структурами и китайской общиной в начале XX в. Причём важно отметить, что подобные взаимовыгодные отношения сложились не только у руководства городских полицейских управлений, чиновников различных ведомств и верхушки китайского населения, но и у рядового населения городов и сельской местности.

Борьба с тайными притонами в городах осложнялась широко распространённой практикой передачи в аренду китайцам своих владений русскими домовладельцами. Местные чиновники были убеждены, что арендодатели получали выгодную плату, вполне осознавая, что арендаторы будут устраивать в их владениях незаконные притоны, возводить нарушающие строительные и санитарные нормы дополнительные постройки, селить нелегальных мигрантов без регистрации их в домовых книгах и с превышением норм населённости и пр. Более того, российские домовладельцы и китайские арендаторы выстроили целую систему ухода от наказания за нарушения: например, арендатор передавал домовладение в своеобразную субаренду, составляя «домашние условия» — договоры аренды — на подставных лиц и часто с непоставленными датами начала и окончания действия бумаг. В качестве подставных лиц выступали малоимущие китайцы, согласные за известную плату подвергнуться арестам и быть выдворенными на родину в случае выявления нарушений закона при полицейских облавах и обысках [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 91—95 об.; Оп. 4. Д. 708. Л. 18—19, 30—35, 45, 52—56, 67—82 об., 86—179].

Интерес представляют сведения о практиках взаимодействия азиатского и русского населения в Южно-Уссурийском крае, содержащиеся в двух рапортах, которые были препровождены приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти в 1912 г.

Доклад пристава 2-й части г. Никольска-Уссурийского Н.К. Рейхардта от 19 августа 1912 г. начальнику Никольск-Уссурийского уезда содержал информацию о результатах экспедиции в долину р. Суйфун для розыска хунхузов с 15 июля по 13 августа 1912 г. Экспедиция прошла по территории уезда около 600 вёрст, выявила множество земельных участков с посевами мака, во всех населённых пунктах обнаружила опиокурильни и банковки, незарегистрированное оружие, многочисленные фанзы в тайге около маковых плантаций. Среди хунхузов были замечены не только китайцы, но и корейцы. Рейхардт обратил внимание на пособничество местного крестьянского и казачьего населения, а также крестьянских начальников хунхузам. Так, последние заранее предупреждались о приближении экспедиционного отряда, россияне принимали участие в выращивании мака и транспортировке опиума. Сдача крестьянами и казаками

в аренду земель китайцам под посадки мака приводила к сокращению посевов злаковых культур, в результате в некоторых сёлах и станицах Южно-Уссурийского края невозможно было найти ни зерна, ни муки.

Об огромных масштабах посевов нелегальных растений свидетельствовало, например, то, что уничтоженный китайцами при бегстве от экспедиционного отряда мак, сброшенный в реку, плыл по ней ещё несколько дней. Корейцы — жители местных сёл — были вовлечены в контрабанду товаров и опиума из Китая и обратно, а казаки, в частности живущие в пос. Корфовский, вместе с китайцами охраняли маковые плантации для одного из арендаторов [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 193—195 об.].

Рапорт заведующего Побережным переселенческим подрайоном «Применение жёлтого труда в 1912 году на надельных землях Побережного переселенческого подрайона», полученный генерал-губернатором 2 октября 1912 г., свидетельствовал об активной сдаче крестьянами своих надельных земель в аренду китайцам и корейцам. Мак вытеснил не только злаки, но и овощи, в результате чего последние поднялись в цене. Крестьяне также наладили взаимовыгодные связи с арендаторами по доставке овощей и опиума в города. Во всех селениях с китайцев бралась особая плата за отопление — по 4—5 руб. от печи. На маковых плантациях крестьяне, не встречая препятствий со стороны китайцев, собирали семена для себя — в целях питания и выработки масла. Особые опасения заведующего Побережным переселенческим подрайоном вызывало то, что крестьяне, получая доходы иными способами, отвыкали от земледелия; посевные площади под злаки уменьшались, тем самым усиливалась зависимость края от Маньчжурии; в районе активизировались шайки хунхузов, привлекаемые посевами мака [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 222—224 об.]. По мнению чиновника, важную роль в увеличении производства опиума и вовлечении в процесс китайского, корейского и русского населения сыграло введение закона об ограничении жёлтого труда 1910 г. Не находившие себе занятия в городах на казённых работах китайцы занялись макосеянием как наиболее выгодным сельскохозяйственным промыслом. Вытеснив их из государственных предприятий и подрядов, власти в итоге получили их активизацию в сфере теневой экономики.

К 1912 г. региональные власти осознали пагубность опиокурения не только для китайского, но и русского населения. Озабоченность этой проблемой выражал исполняющий должность военного губернатора Приморской области в рапорте на имя генерал-губернатора от 26 июля 1912 г. В документе говорилось о самостоятельных действиях местных приставов разных станов в Южно-Уссурийском крае по пресечению макосеяния русским и корейским населением, а также указывалось на то, что «китайцы — владельцы маковых плантаций, в силу необходимости, являются ближайшим друзьями хунхузов, которые через них достают и провизию, а также необходимые сведения и помощь в деле приобретения нужных для их разбойничьего промысла средств и оружия, а в минуты опасности

находят у них приют» и борьба с ними приведёт к уничтожению притонов и хунхузничества [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 187—191].

Попытки региональных властей ужесточить наказания, пресечь нарушения закона и выгодное взаимодействие в сфере теневой экономики вызвали активное сопротивление китайского, корейского и русского населения. Сразу после введения запрета на сеяние мака приставом Раздольненского стана в 1912 г. на имя генерал-губернатора начало поступать большое количество просьб от корейских и русских крестьян разрешить этот промысел, служивший подспорьем для их бюджета [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 183—186, 211, 215—215 об.].

На некоторых казачьих землях посевы и сборы опиума были столь велики, что казаки для защиты их от хунхузов возводили своеобразные крепости (так называемые импани), сооружая вокруг участков с постройками саманные стены. Попытки властей разрушить их вызвали яростное сопротивление [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 219—219 об.]. На это указал в рапорте от 1 марта 1914 г. на имя генерал-губернатора исполняющий должность наказного атамана Е.Б. Крузе: «...По поводу уничтожения саманных стен, окружающих постройки и приравниваемых к крепостям, мною донесено войсковому атаману рапортом от 16-го ноября 1913 года за № 151 в следующих выражениях: „Что касается уничтожения импаней, то казаки и офицеры — владельцы Полтавских участков, считающие их своей собственностью, разрушать их сами едва-ли будут и доводы Пограничного комиссара на этот счёт им совершенно не понятны. По их понятиям это не крепости, а благоустроенные дворы их заимок. Сотник же Добровольский, построивший форт с высокими стенами и башнями, возведёнными из обожжённого кирпича, как человек хорошо осведомлённый в гражданских законах, заявил категорически, что в случае разрушения его сооружения, будет искать убытки в сумме 18 тысяч“» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 221—221 об.].

Активный протест китайского населения вызвал разработанный специальным совещанием в марте 1912 г. новый порядок перехода границы порубежными жителями. Соответствующая инструкция приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти была разослана в мае 1912 г. [20, с. 184—202]. Согласно документу, переход границы последними разрешался «только через места расположения таможенных учреждений по пропускным разовым билетам, выдаваемым на три дня, действительным лишь в пределах пятидесятивёрстной полосы и оплачиваемым на основании статей 14 и 75 Устава о Гербовом сборе гербовым сбором 75 копеек» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 760. Л. 90]. Нововведение, нацеленное на борьбу с существующей практикой свободного пересечения границы, было, по мнению Н.Л. Гондатти, крайне необходимо, поскольку под видом «порубежных жителей» в край проникало «много других китайцев не из пограничных местностей, в том числе различный преступный бродячий элемент», что влекло за собой рост числа нелегальных мигрантов

и безработных. Кроме того, в апреле 1912 г. генерал-губернатор изменил и правила выборки русских билетов, обязав китайцев и корейцев получать русские билеты не в течение месяца, а непосредственно при пересечении границы. Это требование обосновывалось тем, что полицейская служба не в состоянии следить за получением билетов китайцами, успевавшими за месяц разойтись по краю [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 653. Л. 491—492 об.; 8, с. 79]. Новый порядок перехода границы порубежными жителями начал действовать с 1 июля 1912 г. и сразу вызвал ожесточённое сопротивление жителей Сахалина — посёлка на китайском берегу напротив г. Благовещенска. 2 июля на китайском берегу р. Амур собралась толпа рабочих и мелких торговцев, недовольных необходимостью уплачивать 75-копеечный сбор и получать разовые пропускные билеты. Собравшиеся препятствовали перевозу на российскую сторону купленных русскими торговцами скота, лошадей, овощей, зелени и других продовольственных грузов. Конфликт продолжался несколько дней, вызвав панику среди благовещенского населения из-за перебоев снабжения продовольствием и крайнее недовольство региональной администрации [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 760. Л. 69—99]. Инцидент не ограничился региональным масштабом, а вышел на уровень международного: как первое, так и второе нововведения Н.Л. Гондатти стали причиной протестов китайских властей и длительной переписки представителей МИД России и Китая и пр. [20, с. 184—202].

Исследование повседневных практик российско-китайского взаимодействия в сфере неформальной экономики позволяет зафиксировать довольно высокую интенсивность и широкую распространённость контактов на всём пространстве трансграничья во второй половине XIX — начале XX в. Материалы многочисленных расследований позволяют выявить систему тесных неформальных взаимоотношений жителей приграничья в самых различных сферах теневой экономики: содержание тайных притонов и их «крышевание» полицией, сдача в аренду земель под посевы опиумного мака, контрабанда опиума и спиртных напитков и пр. В область теневой экономики вовлекались не только представители региональной власти и верхушка китайского общества, но и крестьянское и казачье население края.

Причинами столь бурного развития и активного взаимодействия в сфере неформальной экономики стали следующие особенности фронтального региона: низкая заселённость и обширные пространства со слабым контролем власти, несовершенство законодательной базы, малочисленность полиции, возможность уйти от наказания и восприятие китайскими мигрантами российских наказаний как недостаточно жёстких, изощрённая изобретательность китайского и русского населения в поисках разнообразных «лазеек» в законах и способов ухода от наказания, стремление населения к быстрому обогащению, часто невозможному законными способами. Ужесточение наказаний, попытки региональной администрации совершенствовать законодательство вызывали лишь новые формы сопротивления местных жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриец Г.А. «Свое» и «чужое» в досуговой культуре городов юга Дальнего Востока России: на примере русско-китайских контактов (конец XIX — начало XX века) // Известия Восточного института. 2018. № 1. С. 6—15.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк ист.-этногр. // Записки Приморского отдела Императорского Русского географического общества. Хабаровск, 1914. Т. 10. Вып. 1. 203 с.
3. Королёва В.А. «Маленький Китай» и его зрелищные представления в социокультурном пространстве улиц русского дальневосточного города (вторая половина XIX в. — 1920-е гг.) // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42). С. 118—127.
4. Нестерова Е.И. Китайцы в Приморье: некоторые аспекты социальной адаптации (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 69—82.
5. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. 372 с.
6. Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1916. 106, [79] с.: табл.
7. Позняк Т.З. Иммигранты на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX вв.: выбор модели адаптации // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 291—312.
8. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
9. Позняк Т.З. Политика российской власти в отношении иммигрантов на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в. // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Серия: Отечественная история. Т. XIII. Дальний Восток России: проблемы социально-политического и культурного развития во второй половине XIX—XX в. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 43—59.
10. Позняк Т.З. Азиатские иммигранты на Дальнем Востоке России: особенности экономической адаптации (вторая половина XIX — начало XX в.) // Шестые Гродековские чтения: Межрегиональная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы исследования Российской цивилизации на Дальнем Востоке». Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей имени Н.И. Гродекова, 2009. Т. 1. С. 112—121.
11. Позняк Т.З. «Азиатская специфика» досуговой сферы в дальневосточных городах во второй половине XIX — начале XX в. // Российский Дальний Восток и интеграционные процессы в странах АТР: политико-экономические и социально-культурные проблемы: VII Международная научно-практическая конференция, посвящённая 120-летию морского образования в Приморском крае, 1—3 декабря 2010 г., Владивосток: сборник докладов. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2010. С. 121—128.
12. Позняк Т.З. Формальные и неформальные экономические практики иммигрантов на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.) // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 203—217.
13. Позняк Т.З. Миграционные режимы российско-китайской границы на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Алтайского университета. 2011. № 4/1 (72). С. 174—179.
14. Позняк Т.З. Китайские иммигранты и принимающее общество: парадоксы межкультурного взаимодействия на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в. // Проблемы межэтнического взаимодействия на Дальнем

- Востоке России: история и современность: сб. науч. трудов по итогам работы регион. научно-практической конференции. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2011. С. 33—40.
15. Позняк Т.З. «Культурные брокеры» и межкультурное взаимодействие в пространстве трансграничья во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Восточного института. 2016. № 2 (30). С. 21—33.
 16. Позняк Т.З. «Русская полиция в погоне за китайским рублём»: История о том, как отставной полицейский боролся с мздоимством полиции и китайскими притоками в Благовещенске (1914 год) // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 38—70.
 17. Романова Н.П., Леконцева К.В. Трансграничный регион: эволюция теоретико-методологических подходов // Вестник ЗабГУ. 2013. № 06 (97). С. 95—105.
 18. Рыжова Н.П., Симутина Н.Л. Российско-китайская граница: отчуждённая — существующая — взаимозависимая? // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. 2007. № 3. С. 100—114.
 19. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999. 264 с.
 20. Сорокина Т.Н. Изменение правил перехода границы для китайцев в Приамурском крае в 1911—1912 гг. и «Сахалинский инцидент» // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 184—202.
 21. Урбански С. Дружба по приказу: советско-китайское приграничье в 1950—1960 гг. // Россия и АТР. 2017. № 4 (98). С. 106—124.
 22. Холцленер Т. Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. 2009. № 3. С. 102—111.
 23. Martínez O. The Dynamics of Border Interaction. New Approaches to Border Analysis // *Global Boundaries* / ed. by C. Schofield. London: Routledge, 1994. P. 1—5.
 24. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Andriets G.A. “Svoe” i “chuzhoe” v dosugovoy kul’ture gorodov yuga Dal’nego Vostoka Rossii: na primere russko-kitayskikh kontaktov (konets XIX — nachalo XX veka) [“Native” and “Foreign” in the Leisure Culture of the Towns in the South of Russian Far East: the Example of Russian-Chinese Contacts (Late 19th — Early 20th Centuries)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2018, no. 1, pp. 6—15. (In Russ.)
2. Arsen’ev V.K. Kitaytsy v Ussuriyskom krae: ocherk ist.-etnogr. [Chinese in the Ussuri region]. *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Priamur Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Khabarovsk, 1914, vol. 10, iss. 1, 203 p. (In Russ.)
3. Koroleva V.A. “Malen’kiy Kitay” i ego zrelischnye predstavleniya v sotsiokul’turnom prostranstve ulits russkogo dal’nevostochnnogo goroda (vtoraya polovina XIX v. — 1920-e gg.) [“Chinatown” and its Performances in the Social and Cultural Space of the Streets of Russian Far Eastern City (The Second Half of the 19th Century — the 1920)]. *Gumanitarnyy vector*, 2015, no. 2 (42), pp. 118—127. (In Russ.)
4. Nesterova E.I. Kitaytsy v Primor’e: nekotorye aspekty sotsial’noy adaptatsii (konets XIX — nachalo XX v.) [The Chinese in Primorye: Some Aspects of Social Adaptation (Late 19th — Early 20th Centuries)]. *Adaptatsiya etnicheskikh migrantov v Primor’e v XX v.* [Adaptation of Ethnic Migrants in Primorye in the XX Century]. Vladivostok, 2000, pp. 69—82. (In Russ.)

5. Nesterova E.I. *Russkaya administratsiya i kitayskie migranty na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.)* [The Russian Administration and Chinese Migrants in the South of the Russian Far East (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. Vladivostok, Izd-vo DVGU Publ., 2004, 372 p. (In Russ.)
6. *Obzor Primorskoj oblasti za 1914 god* [Review of the Primorsky Region for 1914]. Vladivostok, 1916, 106 [79] p., tables. (In Russ.)
7. Poznyak T.Z. Immigranty na rossiyskom Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.: vybor modeli adaptatsii [Immigrants in the Russian Far East in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: the Choice of the Adaptation Model]. *Arheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka*. Vladivostok, DVO RAN Publ., 2002, pp. 291—312. (In Russ.)
8. Poznyak T.Z. *Inostrannye poddannye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Immigrants in the Cities of the Russian Far East (the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2004, 316 p. (In Russ.)
9. Poznyak T.Z. Politika rossiyskoy vlasti v otnoshenii immigrantov na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [The Policy of the Russian Government Regarding Immigrants in the Far East in the Second Half of 19th — Beginning of 20th Century]. *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN*. Series “Otechestvennaya Istoriya”, vol. 13, “Dal'niy Vostok Rossii: problemy sotsial'no-politicheskogo i kul'turnogo razvitiya vo vtoroy polovine XIX—XX v.” [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography FEB RAS]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2006, pp. 43—59. (In Russ.)
10. Poznyak T.Z. Aziatskie immigranty na Dal'nem Vostoke Rossii: osobennosti ekonomicheskoy adaptatsii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Asian Immigrants in the Russian Far East: Features of Economic Adaptation (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. *Shestyje Grodekovskie chteniya: Mezhhregional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Aktual'nye problemy issledovaniya Rossiyskoy tsivilizatsii na Dal'nem Vostoke”* [Sixth Grodekov Readings: Interregional Scientific and Practical Conference “Actual Problems of the Study of Russian Civilization in the Far East”]. Khabarovsk, Khabarovskiy kraevedcheskiy muzey imeni N.I. Grodeko-va Publ., 2009, vol. 1, pp. 112—121. (In Russ.)
11. Poznyak T.Z. “Aziatskaya spetsifika” dosugovoy sfery v dal'nevostochnykh gorodakh vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [“Asian Specificity” of Leisure Sphere in Far Eastern Cities in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. *Rossiyskiy Dal'niy Vostok i integratsionnye protsessy v stranakh ATR: politiko-ekonomicheskie i sotsial'no-kul'turnye problemy: VII mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 120-letiyu morskogo obrazovaniya v Primorskom krae, 1—3 dekabrya 2010 g.* Vladivostok: sbornik dokladov [The Russian Far East and Integration Processes in the Asia-Pacific Region: Political, Economic, Social and Cultural Problems: VII International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 120th Anniversary of Marine Education in the Primorsky Region]. Vladivostok, 2010, pp. 121—128. (In Russ.)
12. Poznyak T.Z. Formal'nye i neformal'nye ekonomicheskie praktiki immigrantov na rossiyskom Dal'nem Vostoke (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Formal and Informal Economic Practices of Immigrants in the Russian Far East (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. *Migratsii i diaspory v sotsiokul'turnom, politicheskom i ehkonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX—XX i XX—XXI vekov*. Sb. nauch. st. [Migrations and Diasporas in the Socio-cultural, Political and Economic Space of Siberia. The Borders of the 19th — 20th and 20th — 21st Centuries]. Executive ed. V.I. Dyatlov. Irkutsk, Ottisk Publ., 2010, pp. 203—217. (In Russ.)
13. Poznyak T.Z. Migratsionnye rezhimy rossiysko-kitayskoy granitsy na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [Migration Modes of the Russian-Chinese

- Border in the Far East at the Second Half of the 19th — the Beginning of the 20th Centuries]. *Izvestiya Altajskogo universiteta*, 2011, no. 4/1 (72), pp. 174—179. (In Russ.)
14. Poznyak T.Z. Kitayskie immigranty i prinyimayushchee obshchestvo: paradoksy mezhkul'turnogo vzaimodeystviya na rossiyskom Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [Chinese Immigrants and the Host Society: Paradoxes of Intercultural Interaction in the Russian Far East in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. *Problemy mezhehtnicheskogo vzaimodeystviya na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya i sovremennost'*: sb. nauch. trudov po itogam raboty region. nauchno-prakticheskoy konferentsii [Problems of Interethnic Interaction in the Far East of Russia: History and Present. Collection of Scientific Papers for the Conference]. Khabarovsk, Izd-vo DVGGU Publ., 2011, pp. 33—40. (In Russ.)
 15. Poznyak T.Z. “Kul'turnye brokery” i mezhkul'turnoe vzaimodeystvie v prostranstve transgranich'ya vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. [“Cultural Brokers” and Intercultural Interaction in the Cross-Border Space in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2016, no. 2 (30), pp. 21—33. (In Russ.)
 16. Poznyak T.Z. “Russkaya politsiya v pogone za kitayskim rublem”: Istoriya o tom, kak otstavnoy politseyskiy borolsya s mzdoimstvom politsii i kitayskimi pritonami v Blagoveshchenske (1914 god) [“Russian Police in Pursuit of the Chinese Rouble”: The Story of How a Retired Police Officer Fought against Bribery among Police and Chinese Brothels in Blagoveshchensk (1914)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2018, no. 1 (55), pp. 38—70. (In Russ.)
 17. Romanova N.P., Lekontseva K.V. Transgranichnyy region: evolyutsiya teoretiko-metodologicheskikh podkhodov [Cross-Border Region: Evolution of Theoretical and Methodological Approaches]. *Vestnik ZabGU*, 2013, no. 06 (97), pp. 95—105. (In Russ.)
 18. Ryzhova N.P., Simutina N.L. Rossiysko-kitayskaya granitsa: otchuzhdennaya — soshchestvuyushchaya — vzaimozavisimaya? [Russian-Chinese Border: Alienated — Coexisting — Interdependent?]. *Politiya. Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki*, 2007, no. 3. pp. 100—114. (In Russ.)
 19. Sorokina T.N. *Khozyaystvennaya deyatel'nost' kitayskikh poddannykh na Dal'nem Vostoke Rossii i politika administratsii Priamurskogo kraja (konets XIX — nachalo XX vv.)* [The Economic Activities of Chinese Citizens in the Russian Far East and the Politics of the Administration of the Amur Region (Late 19th — Early 20th Centuries)]. Omsk, 1999, 264 p. (In Russ.)
 20. Sorokina T.N. Izmenenie pravil perekhoda granitsy dlya kitaytsev v Priamurskom krae v 1911—1912 gg. i “Sakhalyanskiy intsident” [Changing the Border Crossing Rules for the Chinese in the Amur Region in 1911—1912 and the “Sakhalyan Incident”]. *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX—XX i XX—XXI vekov*: sb. nauch. st. [Migrations and Diasporas in the Socio-cultural, Politic and Economic Space of Siberia. The Borders of the 19th — 20th and 20th — 21st Centuries]. Executive ed. V.I. Dyatlov. Irkutsk, Ottisk Publ., 2010, pp. 184—202. (In Russ.)
 21. Urbanski S. Druzhiba po prikazu: sovetско-kitayskoe prigranich'e v 1950—1960 gg. [Commanded Friendship: Soviet-Chinese Border Territory in the 1950—1960s]. *Rossiya i ATR*, 2017, no. 4 (98), pp. 106—124. (In Russ.)
 22. Kholtslener T. Vostochnaya poristost': antropologiya transgranichnoy trgovli i kontaktov na rossiyskom Dal'nem Vostoke [Eastern Porosity: an Anthropology of Cross-border Trade and Contact in the Russian Far East]. *Oykumena*, 2009, no. 3, pp. 102—111. (In Russ.)
 23. Martínez O. The Dynamics of Border Interaction. New Approaches to Border Analysis. *Global Boundaries*. Ed. by C. Schofield. London, Routledge Publ., 1994, pp. 1—5. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 10.01.2020